ПАМЯТЬ

АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ

Три года назад не стало Григория Горина. Внезапность случившегося до сих пор не позволяет свыкнуться с мыслью о страшной потере. В этот день не будет никаких скорбных собраний, заседаний. Но скорбь по Горину от этого совсем не уменьшается. Что душой кривить, ко всяким смертям рано или поздно привыкаешь. Но к этой...

УЛЫБАЙТЕСЬ, ГОСПОДА, УЛЫБАЙТЕСЬ

Три года без Горина

Кажется, что вот распахнется дверь в театр. Например, в "Ленком". На пороге возникнет большая фигура.

— Здравствуйте, — скажет он, смешав в своей дикции "з" и "с". И пойдет — открытый, свободный, большерукий ребенок.

Вот ведь что удивительно — Григорий Израилевич писал смешные, остроумные вещи. Был великолепным рассказчиком, и от его историй покатывались большие компании. А вспоминается отчего-то несмешное. Вспоминаются большие глаза, полные национальной печали. И то, что без него "Белый попугай" — телевизионный клуб анекдотчиков — совсем захирел. Хотя долгое время анекдотический "Попугай" усиленно делал вид, что незаменимых нет. Оказывается — есть. Просто его заменили люди с другими способностями.

Что еще? Вспоминается, как в Нижнем Новгороде незадолго до смерти за кулисами веселого фестиваля капустников Горину стало плохо. Он побледнел, прижался спиной к стене, замер... Попросил сотрудников Дома актера не поднимать шума — на сцене выступали. Это был первый звонок больного сердца, но Горин не побеспокоился о нем. Отлежался и побежал дальше. По чьим-то делам, в основном театральным.

Он был театральным человеком, а не театральным деятелем — эти два понятия в нем не уживались, как подлость с честностью. Он не активничал, не спасал Театральное общество — теперь СТД. Оно, созданное сто лет назад русской актрисой Марией Савиновой, держалось на таких, как он. Разрушают его другие, как раз те, кто активничает, кричит и почему-то тихо прибирает к рукам государственную собственность.

Но не о них речь. А о том, что Горин считался совестью театра. Просто об этом никто не говорил, а почувствовали все, когда его не стало. Остались его пьесы, которые много лет "кормят" артистов и режиссеров разных поколений и разных театров. И все время кажется, что вот распахнется дверь в театр. Например, в "Ленком", а может быть, в Сатиру. На пороге возникнет большая фигура.

— Здравствуйте, — скажет он, смешав в своей дикции "з" и "с". И пойдет — открытый, свободный, большерукий ребенок. А потом добавит:

— Улыбайтесь, господа, улыбайтесь.

Марина РАЙКИНА.

Моск. комсомолец. - 2003. - 16 июня. - с. 6